КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Октября **№ 19.** 1878 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ПОУЧЕНІЕ

къ сельскимъ прихожанамъ о томъ, что такое храмъ Божій.

Люблю смотрѣть на васъ, братіе, когда вы дружною стопою идете на молитву въ храмъ Божій! Одобряю вашу ревность, хвалю усердіе. А чтобы вамъ приходить въ него и выходить изъ него съ душевною пользою, послушайте, какъ надобно вести себя и молиться въ храмѣ Божіемъ. А это мы сейчасъ узнаемъ, если обратимъ свое вниманіе на то, что такое храмъ Божій.

Итакъ, что такое храмъ Божій? Храмъ Божій есть мѣсто особеннаго присутствія Божія. Хотя на всякомъ мѣстѣ владычество Божіе, что вы и сами знаете и здѣсь ежедневно слышите, но во храмѣ Господь присутствуетъ особымъ, таинственнымъ образомъ: *идѣже еста два или тріе собрани во имя Мое, ту есмь посредѣ ихъ.* (Матѳ. 18, 20). А во храмѣ мы собираемся не по двое, не по трое, а цѣлыми сотнями, не рѣдко тысячами; стало быть, несом-

нѣнно должны вѣровать въ благодать присутствія Божія въ немъ. И кто не чувствовалъ въ себѣ нѣкоторой тихой радости и священнаго трепета при благоговѣйномъ посѣщеніи храма Божія? Откуда, при входѣ въ него вдругъ раждается эта неземная радость, благоговѣйный трепетъ, какъ не отъ сознанія близкаго присутствія Божія въ немъ? Такъ, храмъ есть мѣсто присутствія Божія—Божій домъ. А потому, возлюбленные, мы должны стоять въ немъ добрѣ и со страхомъ. Вотъ, когда вы входите и въ простой домъ господина, начальника, попросить защиты, посмотрите, какъ вы чинно входите въ него, вѣжливо разговариваете съ господиномъ. А храмъ не простой домъ, а домъ Господа господствующихъ, живущій въ немъ не земной владыка, а Царь царствующихъ, а потому и благоговѣніе наше въ дому Божіемъ должно быть самое высокое, святое. Но есть, вѣдь, люди, которые не такъ чинно ведутъ себя въ храмѣ Божіемъ. Да, къ прискорбію надобно замѣтить, многіе въ немъ часто дремлютъ, стоятъ разсѣянно, не съ добрыми помыслами, думаютъ о куплѣ, продажѣ, вычисляютъ барыши, убытки, молятся небрежно. Ахъ, какой тяжкій грѣхъ берутъ себѣ на душу эти невнимательные христіане! Они забываютъ, что предстоятъ лицу Божію, не понимаютъ, что на нихъ смотритъ самъ Господь, и Святые Ангелы, и грѣшныя мысли и дѣйствія записываютъ въ книгу суда Божія.

Что такое еще храмъ Божій? Есть домъ общественной молитвы. Какъ нужна пища для нашего тѣла, такъ, или еще нужнѣе, молитва для души. Что бываетъ съ нами, когда мы принимаемъ обыкновенную пищу? Силы наши укрѣпляются, мы охотнѣе беремся за труды, носимъ ихъ съ терпѣніемъ, любовію: напротивъ, когда мы голодны, силы

наши слабѣютъ, и дѣло нейдетъ на умъ. Тоже и душа, когда укрѣпляется молитвою, охотнѣе берется за благочестіе, и съ терпѣніемъ несетъ это благое иго Христово, а безъ молитвы всѣ силы ея въ разслабленіи. Потому мы и должны молиться и всегда и вездѣ, и утромъ рано и вечеромъ поздно; но эта наша молитва будетъ молитва частная, домашняя. А какъ мы дѣти одного небеснаго Отца и пользуемся общими дарами благости Его: то обязаны совершать въ урочныя дни и молитву общественную. Храмъ Божій и есть лучшее мѣсто для такой молитвы; его самъ Богъ нарекъ молитвеннымъ домомъ: *Храмъ Мой, храмъ молитвы наречется* (Матѳ. 21, 13.). Дѣйствительно въ храмѣ, вдали отъ суеты и міра, намъ и молиться лучше. Здѣсь присутствуетъ Самъ Господь и близокъ къ нашимъ моленіямъ; здѣсь Ему приносится безкровная жертва. А у подножія Креста Господня какъ молиться хорошо. Въ храмѣ мы имѣемъ цѣлый сонмъ за себя святыхъ молитвенниковъ. Взгляни на священный иконостасъ сей. Вотъ по лѣвую сторону царскихъ вратъ Заступница грѣшныхъ. Взгляни на иконостасъ выше, гдѣ теплится лампада предъ образомъ Всевышняго; престолу Его предстоитъ великій Предтеча Іоаннъ, за нимъ цѣлый рядъ Угодниковъ Божіихъ, молитвы коихъ много поспѣшествуютъ душамъ нашимъ. Въ храмѣ все насъ располагаетъ къ молитвѣ святой, богоугодной: и торжественность богослуженія, и благоговѣйное чтеніе, и благозвучное пѣніе.

Какъ же послѣ сего, не поскорбѣть мнѣ о тѣхъ христіанахъ, кои лѣнятся ходить на молитву въ храмъ Божій. Тогда какъ истинные чада церкви едиными устами, единымъ сердцемъ славословятъ Тріединаго Бога, другіе проводятъ минуты священнаго богослуженія въ домахъ піян-

ства, иные сидятъ дома. Ничто не пробуждаетъ ихъ уснувшей совѣсти: ни праздничный звонъ колокола, ни гласъ пастыря, ни примѣръ идущей на молитву братіи. Не подражайте вы, возлюбленные, этимъ развратникамъ и лѣнивцамъ;—у нихъ ничему доброму не научишься, кромѣ разврата и лѣности,—а по первому удару колокола въ праздничный день спѣшите на общественную молитву въ храмъ Божій. Но, при этомъ опять замѣчу вамъ, переступая порогъ церковный, оставляйте все земное и житейское. Можетъ ли губа, напоенная зловоніемъ, вмѣстить въ себя благовонное мѵро, если не выжмется изъ нея прежде зловоніе? И сердце человѣческое, преисполненное думъ житейскихъ, не можетъ принять въ себя глаголовъ живота вѣчнаго. А въ самомъ храмѣ держите себя такъ, чтобы каждое дѣйствіе ваше было выраженіемъ вашего усердія и любви къ Богу. Зажигаете ли, напримѣръ, свѣчу предъ образомъ Спасителя, смотрите, чтобъ и сердце ваше также горѣло бы любовію къ Нему, какъ горитъ зазженная свѣча. Подаете ли ладонъ въ кадило, смотрите, чтобъ и умъ вашъ также бы возносился молитвою къ Богу, какъ возносится ѳиміамъ кадильный.

Что такое еще для насъ церковь—храмъ Божій? Есть духовная врачебница душъ и тѣлесъ нашихъ. Въ беззаконіяхъ мы зачинаемся, во грѣхахъ раждаемся. Но лишь появимся мы на свѣтъ Божій, святая церковь къ самой колыбели нашей приступаетъ съ своими врачебными пособіями. Такъ во святомъ крещеніи омываетъ насъ отъ грѣха первороднаго, во св. мѵропомазаніи укрѣпляетъ дарами Духа святаго; чрезъ служителя Христова врачуетъ наши грѣховныя язвы въ таинствѣ покаянія, потомъ во всю жизнь питаетъ насъ Тѣломъ и Кровію Христовою во исцѣленіе души

и тѣла. Когда мы сдѣлаемся больны и не въ силахъ сами приходить въ церковь за спасительнымъ врачествомъ, она къ одру болѣзни нашей посылаетъ своихъ служителей съ таинствомъ елеосвященія или для возстановленія нашего здоровья, или для напутствія въ жизнь загробную. Когда мы помремъ, когда, быть можетъ, отступятся отъ насъ и друзья и родные, церковь и тутъ насъ не покидаетъ, а своими молитвами и пѣснопѣніями облегчаетъ страшный часъ смерти. Когда наши кости истлѣютъ въ могилѣ, когда наше имя совсѣмъ забудутъ на землѣ, а св. церковь все—таки будетъ молиться о прощеніи грѣховъ нашихъ.

О мать наша православная церковь, какъ ты благодѣтельна для насъ грѣшныхъ! Все можетъ покинуть и забыть насъ—богатство и слава, честь и достоинства, отецъ и мать, друзья и сродники,—ты одна не забываешь и не покидаешь насъ даже послѣ смерти. Какъ же мнѣ не благоговѣть предъ тобою и не любить тебя? Признательный сынъ ея и не пройдетъ мимо церкви, чтобъ своимъ поклономъ не выразить своего уваженія къ ней; между тѣмъ неблагодарный стыдится сотворить и крестное знаменіе предъ мѣстомъ своего спасенія. Признательный сынъ ея печется о благоукрашеніи церкви и щедрою рукою подаетъ въ нее отъ своихъ трудовъ; онъ радуется, когда видитъ новую одежду на престолѣ, или икону въ иконостасѣ: неблагодарный жалѣетъ и лепты на церковь, а только щедръ для своего лишь чрева. Аминь.

Прот. *Т. Г—въ.*

Кіево-софійскій протоіерей Іоаннъ Васильевичъ Леванда.

Семдесятъ семь лѣтъ уже на плечахъ сѣло, писалъ Леванда отъ 12 іюня 1811 г. И въ другомъ письмѣ отъ 27 мая того же года: *я благодарю Бога, здоровъ болѣе нежели лѣтамъ моимъ сродно 77-ми.* Отсюда ясно, что рожденіе Леванды падаетъ на первое полугодіе 1734 года [1]). Отецъ Леванды былъ бѣдный кіевскій сапожникъ Василій *Сикачка* или *Скакочка*,—вѣрнѣе *Сикачка*, что значитъ по малороссійски: большой кухонный ножъ. Жилъ Василій Сикачка на Подолѣ,—гдѣ почти всю жизнь свою до великаго пожара 1811 года прожилъ и сынъ,—близь Воскресенской церкви недалеко отъ Братства [2]). Матери своей Леванда кажется не помнилъ, но объ отцѣ, умершемъ также въ юныхъ его лѣтахъ, сохранилъ самое теплое воспоминаніе, которое и высказалъ въ рѣчи на своей свадьбѣ. «Не съ тѣмъ я счастіемъ родился,—витійствовалъ Леванда на своей свадьбѣ,—чтобы тогда мнѣ имѣть отца, когда мнѣ его

---

[1]) Можно сказать опредѣленнѣе: Леванда родился *въ мартѣ* 1734 г. Въ мартѣ 1803 г. Леванда писалъ два письма бригадиршѣ Осиповой 9 и 18 марта, и во второмъ письмѣ благодаритъ ее за память о днѣ его рожденія. Слѣд. поздравленіе получено имъ между 9 и 18 марта.

[2]) Имѣя подъ руками Кіево-подольскія исповѣдныя росписи за 1737 г., мы тщетно старались отыскать въ нихъ семью Василія Сикачки. Только одна семья (въ приходѣ церкви Преображенія) по своему составу можетъ быть признана родною семьею Леванды. „Цѣховой Василій Григорьевъ 40 л. Жена его Анна Михайлова 33 л. Сынъ ихъ Иванъ 2 л.“ Но ни фамилія, ни профессія отца семейства не обозначены.

надобно. Купилъ бы я жизнь его, если не деньгами, то слезами, но не продаетъ никто. Сокрушенное сердце и живая вѣра есть такая предъ Богомъ монета, за которую отдаетъ Онъ все; но мое сердце какъ бы нынѣ ни сокрушалось, а вѣра какъ бы ни взалкала воскресенія мертвыхъ, много сего для меня: не вижу я нынѣ тѣхъ святыхъ чудотворцевъ, которымъ власть сію, чтобъ мертвыхъ воскрешать, далъ предводитель ихъ Христосъ. Я бъ нынѣ ноги имъ облобызалъ, чтобъ они или совокупно пошли всѣ, или послали со мною одного на гробъ отца моего, чтобъ онъ (т. е. чудотворецъ) разсыпавшуюся уже пыль воедино собралъ и возвратилъ душу, которая опознала бъ плачущаго предъ собою сына; но чудотворцы сіи сего дни на небѣ, когда мнѣ на земли ихъ надобно... Іисусъ мой давно вознесся на небеса... а разорять законъ естества, и изъ утробы земли, какъ изъ чрева китова Іону, отца моего возвращать не будетъ; будетъ сіе тогда, когда Положивый дни и лѣта во власти Своей предоставилъ тому быть, а не въ сію минуту, не для просьбъ моихъ. Не я, не я желаю сего, но тая жалость которая нечувствительно вселяется въ сердце мое; не я, не я желаю сего, но требуетъ дѣло, которое съ его благословенія совершалось бы вожделѣнно. Но вотще отворять тіи очи, которіи закрыла смерть, вотще двигать для благословенія тую руку, которая приняла уже на себе черный земли видъ. Прости, прости отецъ! прости вещь, когда мнѣ осталось только одно имя... Такъ было въ судьбахъ, которыя непостижимы; что на небѣ пишутъ, то нельзя на земли перечернить никому.» [1]).

[1]) У Сикачки было еще два сына; одинъ дожившій до старости, († 1 окт. 1807) о смерти котораго Леванда сообщаетъ въ письмѣ отъ 10 ноябр. 1807 г.: „братъ мой, умирая недавно, ко-

Какимъ образомъ бѣдный сынъ сапожника попалъ учиться въ кіевскую Академію? Преданіе объясняетъ это дружбою мальчика Ивана Сикачки съ сыномъ Воскресенскаго священника и любознательностію, съ какою онъ принималъ участіе въ урокахъ своего ровесника. Можетъ быть и такъ; но кажется нѣтъ надобности въ этомъ нѣсколько искуственномъ объясненіи. Кіевская Академія была тогда учебнымъ учрежденіемъ, широко растворявшимъ свои двери для учениковъ изъ всѣхъ сословій и состояній. Большинство въ ней были бѣдняки, снискивавшіе пропитаніе милостынею. «Въ Кіевѣ школьниковъ очень много,» писалъ въ 1701 году московскій паломникъ Лукьяновъ: «вечеръ пришелъ, то и пошли по избамъ псалмы пѣть, да хлѣба просить; даютъ имъ всячиною: и деньгами, и хлѣбомъ».... Современный студенчеству Леванды, митр. кіевскій Арсеній Могилянскій (1757—70) свидѣтельствуетъ, что «имѣются при училищахъ кіевскихъ таковые люди, которые еще въ малолѣтствѣ своемъ лишились какъ родителей, такъ и сродственниковъ своихъ, и всѣ свои лѣта, хотя съ претерпѣніемъ

гда я, увидѣвъ его послѣднюю минуту, тронулъ рукою, желая еще нѣсколько словъ на дорогу о упованіи ему сказать, открылъ глаза и отклоняя руку мою повторилъ: *не замайте! не замайте!* далъ мнѣ почуствовалъ, что онъ увидѣлъ нѣчто занявшее его болѣе, нежели я ему сообщить могъ.» На основаніи данныхъ, заключающихся въ письмахъ Леванды, можемъ сказать, что другой братъ его назывался Григорій, по фамиліи Левандовскій, по сану протоіерей († ранѣе 1805 г.) имѣлъ сыновей Григорія и Евдокима и дочерей Надежду (по мужѣ Ковалевскую), Ксенію (по мужѣ Томашевскую), и Елену, бывшую также замужемъ. Племянники и племянницы Леванды и ихъ дѣти жили въ предѣлахъ бѣлогородской епархіи (въ Хотмыжскѣ, Грайворонѣ, Боромлѣ).

крайнія нужды, на то положили, дабы, получая въ такомъ своемъ бѣдномъ состояніи отъ христолюбцевъ милостивое снабдѣніе, изучиться честныхъ искуствъ, разныхъ языковъ и полезнѣйшихъ наукъ.» Незнатное происхожденіе также не служило препятствіемъ къ поступленію въ кіевскую Академію. Если въ числѣ учениковъ Академіи находимъ сироту кіевскаго торговца, Өеофана Прокоповича, мѣщанскихъ дѣтей Василія Барскаго, Тимоөея Щербацкаго, козацкихъ дѣтей Лаврентія Горку, Аггея Колосовскаго и т. д., то почему бы не поступить въ нее и сыну сапожника Ивану Сикачкѣ? Напротивъ, мы назвали бы странною случайностію, если бы даровитый и любознательный мальчикъ, который потомъ во всю свою жизнь, по его словамъ, былъ подверженъ *книгоненстовству*,—живя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Братскаго училища, не проникъ внутрь стѣнъ его.

По нашему разсчету, основанія котораго выскажемъ чрезъ нѣсколько строкъ, Иванъ Сикачка поступилъ въ Братскую школу въ 1748 году, четырнадцати лѣтъ отъ роду. Если отложить восемь лѣтъ на обученіе въ семи низшихъ классахъ: инфимѣ, аналогіи, грамматикѣ, синтаксимѣ, піитикѣ, риторикѣ и философіи (въ послѣднемъ классѣ два года), то окажется, что въ богословскій классъ Иванъ Сикачка (теперь уже Леванда) перешелъ въ 1756 году, 22 лѣтъ отъ роду. Съ этого времени онъ и начинаетъ считать свое служеніе церкви. По крайней мѣрѣ иначе мы не умѣемъ объяснить слѣдующаго выраженія Леванды въ письмѣ къ императору Александру I-му отъ 27 февраля 1807 года: *пятдесятъ лѣтъ помогъ мнѣ Господь прослужить церкви*. Если отложить обычные четыре года на пребываніе въ богословскомъ классѣ, то окажется, что будущій Кіево-софій-

скій протоіерей окончилъ полный курсъ наукъ въ Кіевской Академіи въ 1760 году, 26 лѣтъ отъ роду.

Что дала Братская школа Ивану Сикачкѣ? Она дала ему во 1-хъ новую фамилію—*Леванды*, болѣе благозвучную и поэтическую, чѣмъ его прежняя фамилія. Есть извѣстіе, что Сикачка самъ пожелалъ принять фамилію Леванды въ честь своего благодѣтеля кіево-воскресенскаго священника Іоанна Леванды [1]) и что префектъ Академіи Самуилъ Миславскій нашелъ сообразнымъ съ качествами юноши усвоить ему прозваніе благоуханнаго и цѣлебнаго цвѣтка (levanda). Впрочемъ кіевскіе мѣщане долго еще величали Леванду, уже знаменитаго протоіеря и проповѣдника, родовымъ прозваніемъ Сикачки.—Во 2-хъ кіевская Академія дала Левандѣ твердое знаніе латинскаго языка. Онъ могъ писать по латыни, писалъ иногда латинскія письма, и въ его русскихъ письмахъ,—разумѣется къ тѣмъ, кто понималъ по латыни,—встрѣчаются латинскія фразы и пословицы, напр. senectus ipsa erit pro morbo,—currenti calcar,—opposita juxta se posita magis elucescunt и т. д. Въ 3-хъ Академія дала Левандѣ знакомство со внѣшними формами и пріемами краснорѣчія. Но сила чувства, которая дѣлаетъ Леванду истиннымъ ораторомъ, разумѣется всецѣло принадлежитъ его даровитой природѣ.

Наконецъ—Академія по крайней мѣрѣ положила начало обширному знакомству Леванды съ св. Писаніемъ. Леванда такъ сроднился съ библіею, что библейскія слова и обороты

---

[1]) Это извѣстіе, приводимое г. Аскоченскимъ, не имѣетъ документальнаго подтвержденія. Священникомъ Кіево-подольской воскресенской церкви въ 1737 г. былъ Ѳеодоръ Ивановъ Вишневскій 39 лѣтъ. О существованіи же священника Леванды—нѣтъ извѣстій.

сами собою ложились подъ его перо. Подобно Григорію Богослову, онъ могъ сказать о себѣ: *мнѣ сладко говорить словами Писанія*. Впрочемъ это было послѣдствіемъ не академической только науки, но занятій цѣлой жизни.

Леванда учился въ Академіи при митрополитахъ Тимоѳеѣ Щербацкомъ и Арсеніѣ Могилянскомъ, при ректорахъ Сильвестрѣ Ляскоронскомъ, (1746—51), Георгіѣ Конисскомъ (1751—55), Манассіѣ Максимовичѣ (1755—58) и Давидѣ Нащинскомъ (1758—61) и въ числѣ префектовъ имѣлъ Самуила Миславскаго, впослѣдствіи митрополита кіевскаго. Изъ товарищей Леванды можемъ указать на трехъ наиболѣе долговѣчныхъ, съ которыми Леванда и подъ старость состоялъ въ перепискѣ,—именно: Н. Н. Бантышъ-Каменскаго (род. 1737 † 1814), Ѳеоктиста Мочульскаго (род. 1732 † 1818) и Платона Любарскаго (род. 1738 † 1811). Въ письмѣ къ Ѳеоктисту, архіепископу курскому, отъ 20 генв. 1806 г., Леванда упоминаетъ о своемъ товариществѣ естественно тономъ старика, считающаго послѣднихъ могикановъ, уцѣлѣвшихъ послѣ жизненнаго боя. «Около себя никого не вижу изъ сверстниковъ: всѣхъ перехватала смерть. Одинъ только въ нашемъ Переяславлѣ протоіерей Іоаннъ Савинскій; а другой тамже Гречина Стефанъ протоіерей; оба около дверей гроба вертятся. Вотъ еще преосвященный Платонъ de numero nostrorum отъ береговъ Днѣпра [1]) отзывается голосомъ старой дружбы.»

Нѣтъ сомнѣнія, что при своихъ богатыхъ способностяхъ и живомъ, симпатичномъ характерѣ Леванда, хорошо успѣвая въ наукахъ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ любимцемъ и

---

[1]) т. е. изъ Екатеринославля, гдѣ Платонъ Любарскій былъ архіепископомъ.

начальства и товарищей. Тѣмъ не менѣе школьные годы были для него временемъ тяжелымъ, — временемъ борьбы изъ-за существованія. Намъ думается, что и въ этомъ случаѣ много помогъ Левандѣ его рано раскрывшійся ораторскій талантъ. Если другіе его бѣдные товарищи снискивали себѣ подаяніе отъ христолюбивыхъ дателей миркованіемъ и виршеписаніемъ, то Леванда могъ достигать того же сочиненіемъ и произнесеніемъ рѣчей на разные случаи. И для академическаго начальства даръ Леванды былъ находкою. Академія любила эффектъ; въ употребленіи было произношеніе студентами привѣтственныхъ рѣчей при посѣщеніи Академіи знаменитыми особами. Теперь Академія могла выдвигать впередъ Леванду, — и представительная наружность юноши, веселая, добродушная и вмѣстѣ важная физіономія, звучный голосъ, глубокое чувство въ произношеніи, живость образовъ и оригинальность мыслей должны были производить на слушателей самое пріятное впечатлѣніе. Префектъ академіи Самуилъ Миславскій редактировалъ и выправлялъ первыя ораторскія произведенія Леванды. По всей вѣроятности академическое начальство оказывало даровитому воспитаннику возможную матеріальную поддержку.

По окончаніи курса Леванда два года слишкомъ 1760—61, 1761—62 и часть 1762—63 г.) [1]) былъ въ Акаде-

---

[1]) Въ архивѣ кіевской д. консисторіи сохранилось поданное митр. Арсенію Могилянскому объясненіе членовъ академической корпораціи по дѣлу о жалобѣ студентовъ богословія на префекта Мельхиседека Орловскаго. Подъ этимъ объясненіемъ отъ 13 ноября 1762 года подписались слѣдующія лица: Самуилъ Архимандритъ Кіево-братскій и ректоръ. Учитель іеромонахъ Игнатій Учитель піитики іеромонахъ Рувимъ. Учитель синтаксимы іеромонахъ Никодимъ. Магистеръ грамматики Іванъ Самойловичъ.

міи магистромъ нижняго класса граматики. Но магистерство въ инфимѣ составляло собою только будничную сторону дѣятельности Леванды. Праздничною, наиболѣе видною стороною его дѣятельности было сказываніе проповѣдей. Отъ учительскаго періода Леванды уцѣлѣло до насъ три проповѣди: на 12 февраля 1761, на одну изъ пассій или на великую пятницу 1761, и на 25 ноября 1761. Относительно второй проповѣди помѣчено, что она говорена *въ Братскомъ монастырѣ*; вѣроятно тамъ же произнесены и остальныя двѣ и притомъ первая (на 12 февр.) въ присутствіи митрополита Арсенія Могилянскаго, какъ видно изъ обращенія послѣ приступа: «Я въ честь богозванному наставнику великому Россіи свѣтильнику чудодѣйственнѣйшему іерарху Арсенію *о необходимости истиннаго наставникамъ нашего повиновенія*, до тѣхъ поръ изъ слова Божія предложить не смѣю, пока во мнѣ внѣшняго человѣка, мятущагося отъ пронзительныхъ Божіихъ словесъ, которыя Онъ грѣшнику говоритъ: *вскую ты повѣдаеши оправданія Моя и воспріемлеши законъ Мой усты твоими?* не успокоишь, Владыко святый, многомощнымъ твоимъ благословеніемъ.»

Обыкновенная карьера кіевобратскихъ учителей состояла въ принятіи монашества и затѣмъ въ послѣдовательномъ восхожденіи до высшихъ степеней церковной іерархіи. Тотъ же путь предлежалъ и Левандѣ. Но стремленіе къ ти-

---

Магістеръ Інфимы Іванъ Леванда. Учитель аналогіи монахъ Кассіанъ. Нѣмецкаго и французскаго языковъ Магистеръ Ѳома Халчинскій. Изъ этого документа видимъ, что въ ноябрѣ 1762 г. Леванда еще состоялъ на академической службѣ; узнаемъ и его академическихъ сослуживцевъ, изъ коихъ монашествующіе титуловались учителями, а міряне—магистрами.

хой семейной жизни перевѣшивало въ немъ мечты честолюбія, и вступивъ въ бракъ, какъ кажется еще во время своей службы при Академіи [1]), Леванда вскорѣ заблагоразсудилъ искать себѣ болѣе опредѣленнаго и обезпеченнаго положенія въ званіи приходскаго священника. Невѣстою, и потомъ женою Леванды, была дочь небогатаго кіевскаго мѣщанина Ильи Николаевича Скребицкаго, Евфимія, которая была на 10 лѣтъ моложе своего супруга, т. е. во время заключенія брака имѣла около 17 лѣтъ. Съ какими сознательными, честными и религіозными убѣжденіями совершалъ Леванда важнѣйшій шагъ въ жизни,—это показываетъ рѣчь, говоренная имъ на собственной свадьбѣ. «Теперь я выключаюсь изъ числа сиротъ,»—говорилъ между прочимъ Леванда по возвращеніи изъ церкви послѣ вѣнчанія. «Теперь жизнь моя не моя, но наша. Всѣ доходы, между которыми можетъ случиться и счастіе и несчастіе, на двѣ части должны быть раздѣлены: одну возьму я, до другой мнѣ дѣла нѣтъ, она принадлежитъ товарищу моему, для того что Невѣста, пріемшая власть отъ своего небеснаго Жениха, св. церковь велѣла намъ быть супругами. Такъ сіе золотое супружества иго не на моей только шіи; тѣнь за тѣломъ, а сія спутница клялась послѣдовать мнѣ во всю жизни

---

[1]) Думаемъ такъ потому, что въ представленія кіево-подольской протопопіи отъ 7 окт. 1764 г. объ освобожденіи отъ воинскаго постоя дома тестя Леванды—заявляется, что у тестя Леванды „особливыхъ зимнихъ избъ, гдѣ бы тестю съ женою и дѣтьми и ему іерею Іоанну Левандѣ съ женою и *дѣтьми* и сверхъ того постою мѣститься,—не имѣется“. Если въ 1764 г. признается существованіе дѣтей Леванды, то бракъ долженъ быть отнесенъ по крайней мѣрѣ за два года до этого.

своея дорогу до предѣла, который называется гробъ... Путешествіе наше намъ не наскучитъ. Предтеча нашъ и стёжки и дорожки знаетъ всѣ, знаетъ Онъ и темныя мѣста, гдѣ опасно съ сѣтьми для ловли садиться. Знаетъ Онъ, какими припасить насъ сухарями, и въ которыхъ источникахъ для утоленія жажды нашей здоровая вода; ежели на сей дорогѣ оставитъ Онъ насъ, то сіе сдѣлаетъ по примѣру матери, которая дѣтище для того будто оставляетъ, чтобы видѣть, съ какимъ оно усердіемъ будетъ прилѣпляться къ ней... Намъ съ Богомъ предводителемъ быть у своей межи не худая надежда. Вы, народъ Божій, свидѣтели клятвъ, которыми мы предъ Богомъ клялись. Приговоры, которые пишутся обо мнѣ на небѣ, такъ перемѣнить не умѣю, какъ не умѣете вы перемѣнить тѣхъ, которые тамже пишутся про васъ..... Мнѣ только кажется, что ежели дружба сія не грѣхъ, то и я не виноватъ... Свѣтъ сей такая площадь, на которой всякое временное добро, всѣ статьи власно какъ яблоки Богъ разсыпалъ, а мы, дѣти Его, сбираемъ, что кому нравится; такъ за чтожь бы намъ тутъ наказаніе, развѣ за то, когда за сими яблоками и Того забудемъ, Кто насъ ими кормитъ? Хотя кто въ супружество вступаетъ нѣсколько похожъ на того дитину, который въ зажмурки играетъ, однако какъ очи его въ семъ случаѣ не завязаны, такъ и въ руки всегда достается, что представитъ Богъ. Я о своей находкѣ ничего вамъ не скажу, а и васъ угадывать не прошу. Жизнь сію давно комедіею зовутъ: съиграймо жъ мы совсѣмъ свою комедію и тогда скажемъ, каково мы ее играли,—а о семъ не на семъ свѣтѣ, но въ царствіи мертвыхъ разговоруютъ.»

176²/₃ годъ былъ переходнымъ въ жизни Леванды. Къ этому году относится выходъ его изъ Академіи и пріисканіе священническаго мѣста при Кіево-подольскомъ Успенскомъ соборѣ. Отъ этого года остались три проповѣди: на 1 и на 29 декабря 1762 и на 15 августа 1763 года. Послѣднюю проповѣдь на храмовой праздникъ Успенія Богоматери Леванда говорилъ на мѣстѣ своего будущаго служенія въ Успенскомъ соборѣ,—какъ кандидатъ священства или быть можетъ какъ новопосвященный діаконъ. 28 сентября 1763 г. въ день воскресный Леванда былъ произведенъ во священника къ Кіево-подольскому Успенскому собору—митрополитомъ Арсеніемъ Могилянскимъ.

Леванда служилъ при соборѣ 23 года: 20 слишкомъ лѣтъ въ санѣ священника и 3 года въ санѣ протоіерея. Жизнь его за это время текла тихо и мирно, раздѣляясь между богослуженіемъ, сочиненіемъ проповѣдей, чтеніемъ книгъ и домашними заботами. Богослуженіе Леванда отправлялъ тщательно и благоговѣйно, нерѣдко совершалъ литургію со слезами; прекрасная прочувствованная интонація при чтеніи молитвъ и евангелія дѣлала сильное впечатлѣніе на молящихся. Что касается до проповѣдыванія, то «съ самаго вступленія въ священническую должность (какъ значится въ послужномъ спискѣ Леванды) ежегодно по наряду архіерейскому въ каѳедральной митрополитской церкви,—что нынѣ соборъ Софійскій,—а безъ наряда въ теченіе каждаго года многократно въ градскимъ Успенскомъ соборѣ Кіево-подольскомъ сказывалъ публично своего сочиненія проповѣди». Изъ проповѣдей этого періода напечатано до 30-ти и одна рѣчь; и въ настоящее время издаются шесть доселѣ еще не изданныхъ проповѣдей. Можно прибавить, что проповѣди этого періода гораздо лучше позднѣйшихъ; такъ достоинство проповѣдей и возра-

стающая слава проповѣдника стоятъ между собою въ обратно пропорціональномъ отношеніи. «Во все время своей священнической должности (продолжаетъ послужной списокъ) Леванда присутствовалъ въ бывшемъ кіево-подольскомъ духовномъ правленіи, исправляя различныя слѣдственныя по дѣламъ коммиссіи». Изъ дѣлъ архива кіевской консисторіи узнаемъ, что въ 1779 г. Леванда былъ назначенъ намѣстникомъ тогобочныхъ заднѣпрскихѣ церквей, до кіевоподольской протопопіи принадлежащихъ,—именно его вѣденію подчинены слѣдующіе священники, расписавшіеся на ордерѣ кіево-подольскаго духовнаго правленія отъ 17 сент. 1779 г. за № 275: 1) Никольской слободки свящ. Кириллъ Любѣнскій. 2) Воскресенской слободки іерей Ѳеодоръ Яворскій. 3) Вигуровскій священникъ Василій Калайдовичъ. 4) Священникъ Зазвинскій Наумъ. 5) Княжицкій іерей Карпъ Яковлевъ. 6) Села Бортничъ іерей Тимоѳей Кринѣцкій.

Изъ цѣлъ консисторскаго архива узнаемъ также, что Леванда долгое время былъ вторымъ священникомъ при Соборно-Успенской церкви; первымъ же былъ нѣкто Алексѣй Сафоновичъ; когда же Леванда сдѣлался первымъ, то вторымъ былъ свящ. Гавріилъ Ярославскій. Смѣна сослуживцевъ Леванды произошла въ 1778 г. и отъ этого времени сохранился въ архивѣ кіевской д. консисторіи любопытный документъ, свидѣтельствующій, что о. Леванда далеко не былъ чуждъ обычнаго священническаго желанія—остаться одному на приходѣ. Это—прошеніе Леванды на имя митрополита кіевскаго Гавріила Кременецкаго отъ 12 сент. 1778 г. слѣдующаго содержанія:

«Протопопіи кіево-подольской приходъ Успенскій имѣя въ себѣ 76 дворовъ, 16 бездворныхъ хатъ, всего двороваго наличія съ шинками, винарнями и пустыми господъ за-

днѣпрскихъ домами 92, не имѣетъ къ содержанію и одного настоятельнаго священника дворамъ указнаго числа;—и содержанія своего сегоприходный священникъ ожидать долженъ: *первое* отъ милостивнаго въ литургіяхъ предстоящими подаянія, которое какъ есть случайное, быть и не быть могущее, такъ нетвердое, и то въ седмицѣ дней служенія череднаго; *второе* отъ продажи свѣчей, которая указомъ Вашего Преосвященства отсѣчена; *третіе* отъ рѣдкихъ доходовъ, каковы суть браковѣнчанія, по указнымъ вѣдомостямъ малочисленностію значащіяся.

Хотя же приходъ сей имѣетъ и соборное именованіе, однако какъ именованіе сіе есть имя безъ вещи и не дѣлаетъ само собою церковнаго причта достаточнымъ, такъ и остается *Соборъ* сей собраніемъ скудныхъ и милости требующихъ священно и церковно-служителей. Какъ не имѣетъ онъ вотчинъ, ни вмѣсто вотчинъ жалованья и никакой руги, то и ничего съ тѣми соборами не имѣетъ общаго, для которыхъ указъ состоялся; почему въ семъ соборѣ по силѣ даннаго о соборахъ указа по два діакона и по одному протопопу никогда не было учреждаемо и нынѣ не учреждается. Да и съ самыми велико-приходными въ Кіевѣ на Подолѣ находящимися церквами равняться соборъ сей не можетъ, почему охотно соборнаго именованія лишиться готовъ,—и на самомъ дѣлѣ сего именованія лишенъ, когда лишенъ былъ помѣрнаго збору отъ привозимаго въ Кіево-подольской базаръ хлѣба, —принадлежавшаго Церквѣ соборной по грамматамъ до тѣхъ поръ, покуду не наименованъ Каѳедральной Вашего Преосвященства монастырь Соборомъ.—Святѣйшаго же Правительствующаго Синода, въ указахъ одномъ по другому открываемое, благоволеніе Вашимъ Преосвященствомъ духовнымъ правленіямъ дается видѣть о поправленіи состоянія и содер-

жанія священниковъ; почему отъ скудныхъ дворовымъ числомъ приходовъ повелѣваются и переводы къ лучшимъ и достаточнѣйшимъ, тѣмъ паче запрещается умноженіе священниковъ тамъ, гдѣ нѣть нужнаго имъ по числу дворовъ содержанія, яко тягостное и вновь производимому и прежнему, съ которымъ новопроизводимый будетъ дѣлить свое содержаніе; особенно почувствовать сіе долженъ новопроизводимый тогда, когда ожидаемыя отъ супружества его явятся у него дѣти.

Изъ котораго милостиваго Святѣйшаго Правительствующаго Синода на священство призрѣнія и я для единаго церкви Успенской *Соборною* именованія быть исключеннымъ не желаю; Вашего Преосвященства нижайше прошу оставить меня съ старѣйшимъ священникомъ Алексіемъ Софоновичемъ до воли Божіей на прежнемъ основаніи; а когда откроется надъ коимъ либо изъ насъ о смерти нашей Божія воля, тогда воля указовъ о цѣлоприходствѣ да будетъ, дабы или іерей Алексій Сафоновичъ двухъ своихъ внуковъ, или я восмерыхъ моихъ дѣтей воспитать и отечеству представить полезными моглъ безбѣднѣе».

Разсчетъ Леванды былъ ясенъ. Онъ былъ человѣкъ еще не старый (44 л.); Алексѣй же Сафоновичъ былъ дряхлый старикъ, приближавшійся ко гробу, бывшій на мѣстѣ 46 лѣтъ и уже вознамѣрившійся сдать свое мѣсто въ пользу своей внуки, пріискавъ къ ней жениха въ лицѣ слушателя священной богословіи Гавріила Ярославскаго, сына умершаго намѣстника подольской протопопіи о. Григорія. Это обстоятельство было извѣстно Левандѣ и послужило причиною настоящаго прошенія, которое посему и заканчивается такъ: «Если же Вашего Преосвященство архипастырское какъ о выдачѣ его, Софоновича, внуки за ученаго человѣка

въ замужество, такъ и о рукоположеніи его внука во священника состоялось благоволеніе, то и я прошу дать ему по его ученію другое въ приходѣ, дворами не малочисленномъ, каковы и въ Кіевоподолѣ имѣются, мѣсто».

Домогательства Леванды остались безъ успѣха. Онъ не нашелъ себѣ поддержки ни въ прихожанахъ, ни въ Кіевоподольскомъ духовномъ правленіи. Прихожане—въ числѣ 14 человѣкъ [1]) подали голосъ въ пользу новаго кандидата на священство, заявляя, что онъ Ярославскій «состоянія доброобходительнаго, нрава тихаго, въ чтеніи, и пѣніи и писаніи искусный»; а кіево-подольское духовное правленіе съ своей стороны заявило, что «оная Успенская церковь есть соборная, да и на самомъ городовомъ и публичномъ мѣстѣ состоящая, почему въ оной священнослуженіе каждаго дни бываетъ, да и должно быть; ктомужъ и прежде съ давнихъ годовъ всегда имѣлось по два и по три священника, кромѣ діакона, въ разсужденіи того, что одному священнику всегдашнее священнослуженіе исправлять вовсе не можно», и пр. И 11 ноября 1778 г. Гавріилъ Ярославскій былъ рукоположенъ митр. Гавріиломъ Кременецкимъ къ Успенскому собору на правахъ половинопарохіальнаго священника.

---

[1]) Вотъ фамиліи этихъ представителей Успенскаго прихода: райца Иванъ Григоровичъ, примеръ-майоръ Гаврилъ Савичъ, шафаръ медовый Семенъ Балабуха, шафаръ Иванъ Небережевичъ, лавникъ Димитрій Филиповичъ, инстигаторъ Андрей Тохай, инстигаторъ Георгій Рибальскій, цехмистеръ Иванъ Чернявскій, Лукіанъ Утянскій, Григорій Хотяновскій, цехмистръ Павелъ Росовскій, Иванъ Даниловъ цехмистръ, Иванъ Заволока, Іосифъ Поповъ.

Жилъ все это время Леванда на Подолѣ сначала въ домѣ у тестя въ большой тѣснотѣ [1]), а потомъ въ собственномъ небольшомъ домикѣ, при которомъ находился и садъ, воздѣлываемый иногда самимъ хозяиномъ. Семейство Леванды увеличивалось и становилось многочисленно. У него было девять дѣтей,—достигшихъ совершеннаго возраста,— шесть сыновей: Иванъ, Василій, Александръ, Стефанъ, Андрей и Петръ и три дочери: Татьяна, Марья и Дарья. Средства къ жизни были довольно скудны, но Леванда,—равно какъ и его Евфимія,—выросши въ бѣдности, довольствовались малымъ и по немногу *боролись съ недостатками въ разсужденіи дома и семейства своего*, заботясь только о томъ, чтобы они не *взяли верхъ* окончательно.

Чтеніе книгъ, къ которому Леванда всегда имѣлъ пристрастіе, наполняло всѣ его досуги. Кромѣ библіи и произведеній духовной литературы, онъ читалъ и все, что толь-

¹) Въ архивѣ кіевской консисторіи сохранилось доношеніе кіево-подольскаго духовнаго правленія, отъ 7 окт. 1861 г. по поводу представленія іерея Іоанна Леванды, что-де онъ іерей хотя и не въ собственномъ своемъ, но въ тестя своего Іліи Скрѣбецкаго дому жительствомъ,—по причинѣ обстоятельство, для которыхъ—де онъ не въ силахъ состоитъ имѣть и содержать собственный домъ,—находится; однакожъ де въ помянутомъ тестя его дворѣ отдѣленныхъ зимнихъ избъ не имѣется; но подъ одною кровлею одною стѣною раздѣленное строеніе причиною—де было, что онъ іерей Іоаннъ Леванда и прошедшаго 1763 года чрезъ цѣлую—де зиму—отъ гусарскаго постою въ отправленіи правила къ священнослуженію и въ сложеніи и изученіи проповѣдей не малые узнавалъ помѣшательства и нужды". Ожидая себѣ и на будущее время большихъ неудобствъ отъ военнаго постоя,—тѣмъ болѣе, что къ его занятіямъ прибавились дѣла его званія по духовному правленію—Леванда просилъ, дабы-де въ дворѣ тестя

ко могъ добыть. Екатерининская литература была богата переводами изъ Волтера; въ ней отражалось философское движеніе XVIII вѣка... Леванда, какъ священникъ и добрый христіанинъ, не могъ сочувствовать этому направленію, но относился къ нему безъ нетерпимости, которая вообще была несвойственна его благодушной природѣ. «Покойникъ,—не тѣмъ будь помянутъ»,—отзывался онъ о Волтерѣ,—«во всю жизнь свою трудился съ большимъ успѣхомъ для гибели своей и другихъ».

Среди длиннаго ряда мирныхъ и однообразныхъ годовъ черннымъ пятномъ выдается роковый 1770 годъ. Въ сентябрѣ этого года въ Кіевѣ появилась моровая язва. Только Михайловскій монастырь, гдѣ заперлись монахи, прервавъ всякое сообщеніе съ городомъ, остался свободенъ отъ общаго бѣдствія; на Подолѣ же, гдѣ жилъ Леванда, оно свирѣпствовало съ страшною силою. Есть извѣстіе, что въ два мѣсяца вымерло на Подолѣ до 6000 человѣкъ, т. е. 30% тогдашняго 20000—наго населенія Подола. Народъ пришелъ въ уныніе; начальство потеряло голову до такой степени, что губернаторъ повѣрилъ плѣнному турку, который обѣщался избавить Кіевъ отъ заразы. Турокъ написалъ на своемъ языкѣ нѣсколько записокъ слѣдующаго содержанія: *Великій Мугаммедъ! на сей разъ помилуй ты христіанъ*

его кіевскаго мѣщанина Иліи Скрѣбецкаго, гдѣ онъ іерей Іоаннъ Леванда не раздѣльно, но совокупно съ показаннымъ тестемъ своимъ жительство имѣетъ,—покудова-де онъ іерей... особенной для прожитія своего домъ имѣть и содержать будетъ въ силахъ,—постоевъ ставлено не было". Кіево-подольское духовное правленіе поддерживало просьбу Леванды, входя съ соотвѣтственнымъ ходатайствомъ и въ кіевскій магистратъ и къ митр. Арсенію Могилянскому. Но былъ ли какой успѣхъ, изъ дѣла не видно.

и спаси ихъ отъ моровой язвы, ради избавленія нашего отъ плѣна! Записки эти были привязаны къ шестамъ и выставлены на колокольняхъ Кіево-подольскихъ, но не имѣли другихъ послѣдствій, кромѣ возбужденія неудовольствія въ народѣ и особенно въ духовенствѣ. Немного удачнѣе были и другія распоряженія начальства. Городъ былъ оцѣпленъ солдатами, но поздно и рѣдко, такъ что это не помѣшало испугавшимся кіевлянамъ, въ особенности студентамъ академіи, коихъ было до тысячи, разбрестись и разнести заразу по окрестнымъ мѣстностямъ. Оцѣпляемы были и зараженные дома; но жители, не видя пользы въ этомъ стѣсненіи, скрывали больныхъ, а умершихъ отъ язвы хоронили въ дворахъ и садахъ и даже просто выбразывали на улицу. Далѣе—начальство распорядилось разсортировать жителей Подола на больныхъ и здоровыхъ:—больныхъ отсылать въ лазаретъ, а здоровыхъ—въ карантинъ, устроенный на острову Днѣпра. Но больные въ лазаретѣ умирали всѣ безъ остатка, а карантинъ не спасалъ здоровыхъ отъ заболѣванія. Слѣдствіемъ было то, что народъ роптал и волновался,—и не далеко было до мятежа.

Въ это тяжелое время много утѣшалъ кіевлянъ о. Леванда своими поученіями. Слова его были просты. То, что говорилъ онъ, могло быть у каждаго на умѣ; но никто не могъ высказать этого съ такимъ жаромъ, энергіею и силою убѣжденія. «Увы намъ слушатели», говорилъ Леванда, «увы намъ! Свершился судъ о насъ на небѣ, исполнилась мѣра долготерпѣнія Божія, отвратилъ отъ насъ, грѣшныхъ, лице Свое Всевышній! Горитъ ярость гнѣва Божія во градѣ семъ, горитъ въ домахъ нашихъ, горитъ уже въ утробахъ нашихъ; и можемъ ли мы жить, когда стрѣлы, которые метало прежде небо противъ враговъ Божіихъ, нынѣ вонзаются

въ насъ, въ сердца наши?... *Нѣсть исцѣленія въ плоти нашей,* Богъ уязвляетъ насъ. *Нѣсть мира въ костехъ нашихъ;* гнѣвъ невидимаго поражаетъ насъ. *Сердце наше смятеся въ насъ и боязнь смерти нападе на насъ.* Ходимъ омраченные печалью и не знаемъ, гдѣ постигнетъ насъ смерть. Окрылатѣли бы мы и улетѣли отъ ужасовъ сихъ; но *кто дастъ намъ криля, яко голубинѣ*? Мы удаляемся, бѣгаемъ и водворяемся въ пустыни; но страхъ смерти всюду преслѣдуетъ насъ, печаль вездѣ сопровождаетъ насъ. Чаемъ Бога спасающаго насъ отъ малодушія и отъ бури, и впадаемъ въ уныніе, потопаемъ въ отчаяніи, видя плачевныя позорища, которыя дѣлаетъ смерть по домамъ и распутіямъ; видя множество ближнихъ нашихъ, какою-то невидимою страшною силою исторгаемыхъ изъ среды насъ и какъ вихремъ уносимыхъ въ вѣчность. Тамъ лежитъ мертвый отецъ, и дѣти не могутъ отдать ему послѣдняго цѣлованія, боятся прикоснуться къ нему, бѣжатъ отъ него, чтобы не заразиться отъ трупа его. Тутъ лежитъ мертвая мать; близь нее рыдаетъ младенецъ, простираетъ руки въ мертвой благодѣтельницѣ своей, требуя отъ нея помощи; бѣдный думаетъ разбудить ее отъ страшнаго сна ея! Тамъ лежатъ мертвые сироты, и нѣтъ благодѣтеля, который бы отдалъ имъ послѣдній долгъ христіанства и человѣчества! Страхъ смерти превратилъ людей въ звѣрей и человѣки бѣгаютъ подобныхъ себѣ О Боже страшный, отъемлющій духи человѣковъ! Впали мы въ руки Твои, бѣдственно положеніе наше, ужасно состояніе града нашего! Въ стѣнахъ его ужасъ, въ домахъ плачь, храмы Божіи заперты, богослуженіе умолкаетъ. Градъ, посѣщаемый прежде отдаленными народами, нынѣ оставляется своими, градъ богоспасаемый сдѣлался нынѣ градомъ богораззоряемымъ; градъ, изобило-

вавшій благословеніями Божіи, нынѣ мѣсто плача, театръ гнѣва небесъ... О увы намъ, слуш., увы намъ! Безсловесныя животныя, самыя презрѣнныя насѣкомыя благополучнѣе насъ въ это ужасное время, ибо ихъ обходитъ страшная язва, постигшая насъ.»

Леванда не ограничивается изображеніемъ картины бѣдствія; онъ доискивается причины бѣдствія и находитъ ее разумѣется въ грѣхахъ Кіева, какъ прежнихъ, такъ и доселѣ продолжающихся. «Не прекратилось еще пьянство»,— говоритъ проповѣдникъ».. Не прекратилось еще лакомство и страсть любостяжанія и вопіетъ на небо, чтобы излилъ Правосудный пламень мщенія Своего на градъ, въ которомъ живутъ дерзкіе презрители гнѣва Его, которые разграбляютъ домы, расхищаютъ имѣніе умершихъ, и—что всего безчеловѣчнѣе и ужаснѣе,—простираютъ руки на обнаженіе мертвыхъ; совлекаютъ сыны гнѣва съ труповъ одѣяніе, зараженное и дышащее смертію.... Блудилища, не домы, но содомы, вопіютъ на небо и требуютъ истребленія». Но кіевляне и безъ того были убиты горемъ, и потому, не обременяя ихъ долго тяжкими упреками, проповѣдникъ спѣшитъ, пригласивъ ихъ къ покаянію, обратиться къ нимъ съ словами утѣшенія. Здѣсь—не смотря на гнетъ страшнаго, ежеминутно потрясающаго душу, бѣдствія,—былъ высказанъ Левандою тотъ возвышенный христіанскій оптимизмъ, который составляетъ основную черту его міросозерцанія. *Богъ все строитъ къ лучшему; Богу смерти наши не нужны; Богъ караетъ насъ для нашего блага*,—таковы аксіомы, которыя возвѣщалъ Леванда тономъ, исключавшимъ всякое сомнѣніе и потому дѣйствовавшимъ на слушателей чрезвычайно успокоительно. «На что мнѣ смерти ваши?» говоритъ проповѣдникъ отъ лица Божія. «Они не

прибавляютъ ничего къ совершенству Вѣчнаго, къ блаженству Всесовершеннаго. Смерти потребны для васъ. Онѣ служатъ пластыремъ на исцѣленіе ожесточенія вашего.» «Думаешь ли, бѣдная пыль, что Я утѣшаюся смертью и гибельми вашими? Взойди на гору, высоку зѣло, и глянь на человѣки, ползающіе внизу на подобіе червей, и помысли: чѣмъ ты кажешься Мнѣ, когда Я отъ высотъ Моихъ, отъ престола и славы величествія Моего взираю окомъ Моимъ на тебе? Мнѣ вселенная кажется посредѣ бездны висящею малою кучею праха, земля и море тѣнью, а ты нѣчимъ; и твоя ли смерть—корысти Мои?.. Ты бы скоро глубину судебъ Моихъ проникнулъ, если бы имѣлъ ты безконечную премудрость .. то есть тое, чего имѣть не можешь, а долженъ имѣть ты голову, столь малую, сколь малая сія, которая сегодни у тебя на плечахъ и которая понимаетъ все не такъ и по мѣрѣ себе. Я одинъ знаю, что значитъ: горѣть тебѣ вѣчнымъ огнемъ,—и не могу хотѣть тебѣ сего». Но иногда отъ этихъ величественныхъ аккордовъ, голосъ проповѣдника переходитъ въ тонъ тихихъ и ласковыхъ рѣчей матери, упрашивающей милыхъ дѣтей потерпѣть еще немного. «Богъ давно видитъ лютую скорбь нашу, давно хощетъ спасти насъ и ждетъ только нашего обращенія къ нему; медлитъ еще милостію Своею, чтобъ мы призвали Его на помощь къ себѣ и въ бѣдствіи семъ познали, какъ гибельно удаляться отъ Создателя своего... Если мы хотимъ быть чадами Отца Небеснаго, желаемъ Его отеческаго милосердія, желаемъ части со избранными Его: то какъ же возможно отказываться отъ скорбей и бѣдъ, отъ слезъ и мученій? Какъ возможно, чтобы сей Небесный Отецъ не напоилъ насъ слезами въ мѣру, чтобы хотя сколько нибудь не сообразилъ насъ образу сына Своего, Который испилъ

самую горчайшую чашу смерти?»—Леванда утѣшалъ кіевлянъ, скорбѣвшихъ о томъ, что многимъ приходилось умирать безъ напутствованія и лишаться чести погребенія. «Кто прежде смерти съ вѣрою напился крови Сына Божія на дорогу въ вѣчность,—говоритъ проповѣдникъ,—того застанете вы въ царствіи небесномъ... Если же скоропостижная болѣзнь и смерть не допустила бы до другаго ни до чего, то по крайней мѣрѣ во истинномъ жалѣніи о грѣхахъ и въ алчбѣ и жаждѣ милосердія Божія умрѣте, предая душу въ руки милосердія Его, и не сомнѣвайтеся о спасеніи вашемъ, заслуженномъ вамъ отъ Ходатая Христа.—«Велико ли жъ и то, чтобы грѣхамъ христіанина наказаннымъ быть въ мертвомъ тѣлѣ, которое не чувствуетъ ничего, а въ то самое время душѣ его вѣчно помилованной быть? Страшно ли частямъ мертваго христіанскаго тѣла носимымъ быть зубами звѣрей, а душѣ объемлемой быть объятіями Творца и проводимой и окружаемой быть сонмомъ пресвѣтлыхъ духовъ? Когда святѣйшимъ мужамъ случалось сіе, случалось валяться святѣйшимъ тѣламъ безъ погребенія... то для чегожь мы боимся воли Божіей, погребающей насъ не по прежнему и безъ церемоніи, когда дѣло все въ томъ точію состоитъ, чтобы душу въ руки милосердія Божія препоручить, что у насъ не отнято и нынѣ. Кожа и плоть—чужее одѣяніе на насъ, такъ не вольно ли Господу силъ такъ насъ раздѣть, какъ Самъ хочетъ, хотьбы и псамъ учинить сіе приказано отъ Него? Божія къ душѣ немилосердія не означаетъ еще сіе». Не смотря на всѣ ужасы смерти отъ чумы, Леванда продолжалъ настойчиво внушать своимъ слушателямъ, что смерть христіанина есть ничто иное, какъ возвращеніе въ домъ родительскій. Въ заключеніе проповѣдь сама собою превращалась въ молитву, выбранную большею

частію изъ псалмовъ Давидовыхъ, съ добавленіями, вырывавшимися изъ растроганнаго сердца проповѣдника.

Время чумы осталось для Леванды на всю жизнь памятною годиною жгучихъ и неизгладимыхъ впечатлѣній. Слишкомъ 40 лѣтъ послѣ того похоронивъ свою жену въ апрѣлѣ 1812 г., Леванда твердилъ: «оставилъ мене товарищъ мой, дѣлившій со мною скорби; вмѣстѣ мы были въ язвѣ моровой, и рука Божіи спасла насъ». Предшествующее и послѣдующее время жизни какъ будто стушевывалось предъ этою пережитою вмѣстѣ годиною страшнаго испытанія.—Но время испытанія было для Леванды вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ величайшаго проповѣдническаго успѣха. Никогда ни прежде, ни послѣ Леванда не жилъ въ такой степени одною жизнію съ своею паствою; никогда ни прежде, ни послѣ не былъ онъ въ такой степени нуженъ и дорогъ для народа. Замѣтимъ кстати, что Кіевъ во время моровой язвы оставался безъ верховнаго пастыря. М. Арсеній Могилянскій умеръ предъ началомъ чумы († іюня 8, 1770). Жившій въ Лаврѣ на покоѣ м. Павелъ Конюскевичъ умеръ во время чумы († въ ноябрѣ 1770); а новый митр. кіевскій Гавріилъ Кременецкій въ виду такихъ тяжелыхъ обстоятельствъ не спѣшилъ на свою каѳедру (прибылъ въ Кіевъ 4 марта 1772).

(Продолженіе будетъ).

БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА.

Сими днями вышелъ въ свѣтъ изданный кіевскимъ славянскимъ обществомъ *Славянскій ежегодникъ на 1878 г.*— Ежегодникъ посвященъ Свѣтлѣйшему Черногорскому князю Николаю, «*доблестная личность котораго, какъ Державнаго вождя народа и какъ знаменитаго народнаго поэта, возбуждаетъ во всѣхъ, кому дороги слава и интересы славянъ, чуства удивленія и глубокаго уваженія*».— Составъ ежегодника слѣдующій: 1) Австрійская публицистика предъ введеніемъ дуализма. Проф. *Н. А. Попова*; 2) Забытый польскій поэтъ (*Ѳома Занъ*), проф. *В. В. Макушева*; 3) народныя пѣсни Хорватовъ. *М. П—аго*; 4) Очерки изъ новой польской литературы (разборъ поэмы Мицкѣвича «Pan Tadeusz» съ исторической точки зрѣнія), *Э. Н. Каля*; 5) О славянской народной поэзіи (историческія свидѣтельства о пѣніи и пѣсняхъ славянскихъ народовъ), соч. проф. *В. В. Ягича*, перев. съ хорватскаго *Н. Задерацкаго*; 6) Францъ Ладиславъ Челяковскій, *Н. З—цкаго*; 7) Письма Челяковскаго, сообщ. проф. *А. С. Будиловичъ*; 8) Черногорія. Этюдъ по сочиненію *Н. Дучича*; 9) *Осипъ Максимовичъ Бодянскій*. Историко-библіографическая поминка, проф. *А. А. Котляревскаго*; 19) Взглядъ Мадьярскаго этнографа на славянъ, сочин. *П. Гунфальви* перев. съ нѣмец. *Задерацкаго*; 11) Славянскія учено-литературныя извѣстія за 1877 годъ *Н. З—цкаго*.—Цѣна ежегоднику, заключающему въ себѣ до 27 печатныхъ листовъ, назначена довольно умѣренная, именно 1 руб. сер.

ставляющихъ общественно-политическаго интереса для большинства ея читателей. Изъ многочисленныхъ же [извѣстій административнаго характера газета отдаетъ предпочтеніе такимъ, въ которыхъ заключаются рѣшенія какихъ нибудь крупныхъ общественныхъ вопросовъ или отвѣты на различныя ходатайства мѣстныхъ обществъ, вынужденныхъ часто, для полученія подобныхъ свѣдѣній, прибѣгать къ командировкѣ въ Петербургъ спеціальныхъ уполномоченныхъ или, по меньшей мѣрѣ, къ продолжительной канцелярской процедурѣ переписки. Наконецъ, прочитавшій внимательно даже одинъ или два нумера газеты можетъ убѣдиться въ томъ, что газета совершенно чужда рутины, господствующей въ старыхъ изданіяхъ; что общій характеръ газеты носитъ на себѣ печать оригинальности, заключающейся именно въ томъ, что ни одинъ, болѣе или менѣе выдающійся изъ ряда обыкновенныхъ, фактъ не оставляется безъ освѣщенія; что заимствованія изъ другихъ изданій подчинены самому строгому критическому выбору и пріурочиваются къ текущимъ, наиболѣе популярнымъ вопросамъ. Такъ, напримѣръ, подъ рубрикою «Русская печать», Редакція не только знакомитъ своихъ читателей со взглядами и сужденіями текущей періодической печати, но старается вкратцѣ освѣщать эти взгляды и сужденія съ научной и общественной точекъ зрѣнія. Также точно и подъ рубрикою «Свѣтъ и Тѣни» наиболѣе выдающіяся явленія обще-государственной и мѣстной жизни приводятся не какъ простые факты, а какъ живой практическій матерьялъ, почерпнутый изъ всесторонняго житейскаго опыта, регулирующаго нравственный и матерьяльный уровень общественныхъ и гражданскихъ отношеній. Благодаря этому пріему, газета освобождается отъ упрека въ служеніи праздному любопытству и грубымъ инстинк-

тамъ массы. Напротивъ, газета обращается постоянно только къ уму и сердцу читателя.

Что касается литературнаго отдѣла газеты, то Редакція успѣла уже до первой половины сентября помѣстить въ газетѣ болѣе пятидесяти большихъ беллетристическихъ и публицистическихъ произведеній наиболѣе популярныхъ и серьезныхъ русскихъ и иностранныхъ писателей. Вотъ названія главнѣйшихъ сочиненій: «*Барбаросса*», ром. П. Гейзе.—«*Трубачъ голубыхъ гусаровъ*», Эркмнна-Шатріана.—*Тысяча одна брачная ночь*», нѣсколько разсказовъ Катреля.—«*Тактика маркиза*», разск. Уида.—«*Исторія преступленія*», В. Гюго.—«*Блудный сынъ*» І. І. Крашевскаго (еще печатается).—«*Банкиръ воровъ*», романъ де-Лонен. «*Романъ княгини*», Поля Бонно. *Отравительница*», разсказъ.—«*Открытъ!*», разск.—«*Драматическій эпизодъ изъ исторіи Ватикана*».—«*Не стая вороновъ слеталась*», ориг. очеркъ.—«*Среди милостивыхъ государей*», оригинальный очеркъ.—«*Подъ шумъ войны*», ориг. романъ изъ петербургскихъ нравовъ.—«*Среди мормоновъ*», очеркъ Пашино.—«*Изъ области преступленій*», орг. разск.—«*Передъ подпиской*», ориг. очеркъ.—«*Кавалеръ на часъ*», ориг. разск. —*Въ пріемномъ покоѣ*, ориг. сцены.—*Букетъ изъ плѣнныхъ турокъ*», ориг. очеркъ Пашино.—«*Осада Индѣйцевъ*», разск.—«*Воспоминанія о королѣ Викторѣ-Эммануилѣ*», Пашино.—«*Невидимые когти*», орг. разск.—«*Набобъ*», разск. Додэ.—«*Семидесятилѣтняя годовщина Чарльза Дарвина*».—«*На спиритическомъ сеансѣ у Слэда*», ориг. очеркъ.—*Что я видѣлъ и слышалъ у мистера Слэда*», ориг. очеркъ.—«*Возможенъ-ли походъ въ Индію?*», Пашино.—«*Генри Стэнли*», очеркъ.—«*Возвращеніе Стэнли*», очеркъ.—«*59-я годовщина с.-петербугск. университета*».

—«*Умственное движеніе во Франціи*».—*Очеркъ дѣятельности академика Гэра*».—«*Суевѣрія, какъ источникъ преступленій*», очеркъ.—«*Практическій взглядъ на предстоящую тюремную реформу*».—«*Культъ усопшихъ*», ст. Литрова.—«*Мужичій поэтъ*» (характеристика Некрасова).—Статьи *Леруа-Болье* и *Петтенкофера*.—«*Походныя письма сестры милосердія* (8 пис.).—«*Еще по поводу дѣятельности славянскаго общества*».—«*Письма о парижской выставкѣ*».—«*Первая любовь Нодье*», разсказъ Поля Феваля.—«*Семейныя драмы*», рядъ романовъ Монтепена.—«*Около чужихъ милліоновъ*», ориг. очеркъ.—«*Дневникъ молодой женщины*», романъ Октава Фелье.—*Розовое домино*», романъ Бувье (печатается).—«*Интриганка*», романъ Г. Яковлева (печатается).—«*Уголовно-интендантскіе мемуары*».—«*Историческій очеркъ нашихъ сношеній съ Китаемъ*» по непереведеннымъ китайскимъ документамъ.—«*Ядовитая трава*», разск., перев. съ китайскаго «*Мелочи архіерейской жизни*», рядъ очерковъ Лѣскова—Стабницкаго (печатается), «*М. М. Антакольскій*», біогр. Л. Леванда, и т. д. Кромѣ того, рядомъ съ помѣщаемыми въ газетѣ оригинальными и переводными произведеніями извѣстныхъ писателей, Редакція знакомитъ читателей, посредствомъ компиляцій и извлеченій, съ наиболѣе выдающимися произведеніями нашей журнальной и книжной литературы.

Изъ всего изложеннаго здѣсь читатели могутъ убѣдиться въ томъ, что, при относительно крайне дешевой подписной цѣнѣ, газета «НОВОСТИ» даетъ самое разнообразное чтеніе, удовлетворяющее требованіямъ всѣхъ сословій и классовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ образованности.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою въ С.-Петербургѣ: на 1 годъ 8 руб. на 11 мѣсяц. 7 р. 50 к. на 10 мѣсяц. 7 р. на 9 мѣсяц. 6 р. 50 к. на 8 мѣсяц. 6 р. на 7 мѣсяц. 5 р. 50 к. на 6 мѣсяц. 5 р. на 5 мѣсяц. 4 р. 50 к. на 4 мѣсяц. 3 р. 80 к. на 3 мѣс. 3 р. на 2 мѣс. 2 р. на 1 мѣс. 1 р.

Съ пересылкою: на 1 годъ 9 р. на 11 мѣс. 8 р. 25 к. на 10 м. 7 р. 50 р. на 9 м. 7 р. на 8 м. 6 р. 50 к. на 7 м. 5 р. 75 к. на 6 м. 5 р. на 5 м. 4 р. 50 коп. на 4 м. 4 р. на 3 м. 3 р. на 2 м. 2 р. на 1 м. 1 р.

Подписывающіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1878 г. и на весь 1879 г. платятъ за время съ 1-го сентября 1878 г. по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 16 мѣсяцевъ, всего 12 р. 50 к.**, съ 1-го октября 1878 года по 31-е декабря 1879 г., т. е. **за 15 мѣсяцевъ—11 р. 50 к.**, съ 1-го ноября—10 р. 50 р., и съ 1-го декабря—9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: **въ Пебербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ“.**

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ **ВТОРОЕ**, ЗНАЧИТЕЛЬНО ИСПРАВЛЕННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ **ДВАДЦАТЬЮ КАРТИНАМИ**, РОСКОШНОЕ ИЗДАНІЕ:

ГЕРОИ И ДѢЯТЕЛИ

РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877—1878 ГОДОВЪ.

(2-е изданіе В. П. Турбы).

Эта книга заключаетъ въ себѣ *двадцать* художественно-исполненныхъ большихъ портретовъ съ подробными біогра-

фіями и обстоятельнымъ описаніемъ выдающихся военныхъ событій, обезсмертившихъ имена героевъ. Портреты, отпечатанные на толстой слоновой бумагѣ, рисованы художниками: *П. Ф. Борелемъ* и *Брожемъ* гравированны: *И. Матюшинымъ*, *Ю. Барановскимъ* и *Ѳ. Герасимовымъ*. Описанія событій войны составлены на основаніи наиболѣе интересныхъ корреспонденцій, помѣщенныхъ какъ въ нашихъ, такъ и въ заграничныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ числѣ портретовъ, между прочимъ, помѣщены: *Ѳ. Э. Штоквичъ*—защитникъ баязетской цитадели; *Н. М. Барановъ*—капитанъ парохода «Весты»; *М. А. Драгомировъ*; *М. Д. Скобелевъ 2-й*; *Ѳ. В. Дубасовъ*; *А. Н. Шестаковъ*; *В. А. Гейманъ*: *І. В. Гурко*; *А. А. Тергукасовъ*: *Ѳ. Ѳ. Радецкій*; *М. Т. Лорисъ Меликовъ*; *И. Д. Лазаревъ*; *Э. И. Тотлебенъ*; *А. А. Непокойчицкій*; *В. Ф. Дерожинскій*; *Н. П. Креденеръ*; *И. Д. Оклобжіо*; *Кн. И. А. Шаховской*; *А. Э. Циммерманъ* и др.

Изъ военныхъ событій подробно описаны: *23-хъ-дневная оборона баязетской цитадели*; *Бой парохода «Весты» съ турецкимъ броненосцемъ*; *Геройская защита Шипкинскаго перевала*; *Переходъ русскихъ войскъ черезъ Дунай*; *Взятіе Ловца и бой 30 и 31 августа у Плевны*: *Взятіе крѣпости Никополя*; *Гибель турецкаго монитора «Хивзи-Рахманъ»*; *Взятіе крѣпости Ардагана*; *Разгромъ арміи Мухтара-паши и взятіе крѣпости Карса*; *Паденіе Плевны*; и проч., и проч.

Картины, вошедшія по 3-е изданіе, изображаютъ слѣдующія сцены: *На улицахъ Баязета, послѣ истребленія турецкими войсками армянскаго населенія.—Бой парохода «Весты» съ турецкимъ броненосцемъ «Фехти-Булентъ».—Пятый день боя подъ Шипкой*: «Нѣтъ патро-

новъ, бей камнями!»—*Генералъ Скобелевъ на полѣ битвы подъ Плевною, 30 августа.—Бомбардированіе Никополя передъ взятіемъ.—Взрывъ минами турецкаго монитора «Хивзи-Рахманъ»*, произведенный лейтенантами Дубасовымъ и Шестаковымъ.—*Взятіе штурмомъ крѣпости Ардагана.—Сцены изъ перехода черезъ Балканы:* а) Втаскиваніе орудій на рукахъ; b) Орудіе втащили и на покой.—*Дорога на* **Муха-Эстатскія** *позиціи,* занятыя ріонскимъ отрядомъ.—*Втупленіе русскихъ войскъ въ Эрзерумъ.—Движеніе русскихъ войскъ въ Шипкинскомъ перевалѣ.—Бой на улицахъ Карса послѣ штурма.—Сулинское устье Дуная, въ которомъ Рождественскій атаковалъ турецкій мониторъ.—Взятіе высотъ близъ* **Мачина** 10 ротами 14 корпуса, 10 іюня 1877 г.—*Переходъ черезъ Дунай у Браилова,* 10-го іюня.—*Обложеніе Карса русскими войсками—Попытка Османа-паши прорваться изъ Плевны.—На улицахъ Плевны послѣ ея паденія.*

ЦѢНА КНИГИ:

Въ бумажной обложкѣ **2 руб.**, съ перес. **2 р. 50 к.**; въ шагреневомъ же золоченомъ переплетѣ **3 руб.**, съ перес. **3 р. 50 к.**; въ шагреневомъ же золоченомъ переплетѣ съ золотымъ обрѣзомъ **3 руб. 50 коп.**, съ перес. **4 р.**

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями *исключительно* по слѣдующему адресу: издателю «Славянскаго Міра» В. П. Турбѣ, въ Спб., по Фонтанкѣ, у Измайловскаго моста, д. № 103.

Печатать дозволяется. 3-го октября 1878 г. Цензоръ Протоіерей М. Богдановъ.
Типографія С. В. Кульженко, Мало-Житомірская улица, домъ № 83.